

ИНИЦИАТИВА МЕДВЕДЕВА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

Борис Межуев

БОРИС МЕЖУЕВ — шеф-редактор «Русского журнала»

Идея конференции по выработке Договора о европейской безопасности была предложена президентом РФ Дмитрием Медведевым в Берлине в июне 2008 года. Эта инициатива достаточно внятно отражала принципы международной активности России, сформулированные в утвержденной новым президентом Концепции внешней политики: стремление к мирному разрешению конфликтных вопросов, подтвержденное международным правом применение силы при чрезвычайных ситуациях, приведение различных спорных моментов международной жизни к единой правовой норме.

Идея возобновления межгосударственного диалога о безопасности в Европе — проявление характерного для российской политики в целом и для политического стиля нового российского президента правового универсализма. **Россия издавна болезненно относилась к возникновению в международной жизни «двойных стандартов»**, когда по каким-то причинам одним народам отказывается в тех правах, которые дозволяются другим.

Равным образом Россия всегда стремилась ограничить использование силы великими державами некими правовыми основаниями, способными снизить фактор произвола в отношениях между государствами. Яркий пример подобной заинтересованности России в экспансии правовых норм в сферу чистого

насилия — разоруженческие и миротворческие инициативы Николая II 1899 года, положившие начало международному законодательству о принципах ведения войны в современном мире. **Медведев осознанно стремился вернуть России инициативу в утверждении приоритетов права в международной жизни.**

Медведевская инициатива базировалась также на констатации международно-правового вакуума, в котором оказалось европейское пространство после коллапса СССР и Югославии. Наиболее зримым выражением этого вакуума может считаться «двойной стандарт» в отношении так называемых непризнанных государств. 2008 год стал свидетелем одновременного признания самостоятельности Косова большей частью западных стран и признания независимости Южной Осетии и Абхазии Россией. Основания для признания были примерно одинаковыми: геноцид, акт вооруженной агрессии, нежелание мятежного анклава жить в едином государстве с нацией, развязавшей вооруженную бойню. Однако признание независимости двух кавказских республик со стороны ЕС сегодня столь же трудно представить, как и признание самостоятельности Косова со стороны России.

Нет однозначных, юридически обязывающих рекомендаций, как следует вести себя международному

жившееся государственное образование, устойчивую этническую общность или же права каждого отдельного человека.

В итоге **медведевская инициатива выводит на более широкий разворот темы международных взаимоотношений — к проблеме «государственного суверенитета» и права применения силы в отношении суверенных государств.** Решение этих вопросов — как в России, так и на Западе — часто было подчинено политической конъюнктуре. Эксперты яростно отстаивали государственный суверенитет в тех случаях, когда угроза ему исходила от противной стороны, и столь же отчаянно доказывали необходимость пересмотра устаревших принципов Вестфальской системы, когда соответствующие шаги предпринимали их страны или союзники. К примеру, решение администрации Буша в 2002 году осуществить вторжение в Ирак активизировало деятельность неоконсерваторов, настаивавших на том, что защита всех принципов международного права — в интересах диктаторов, сопротивляющихся «гуманитарным интервенциям». А ранее, в период вмешательства США в конфликт в Косове, в США и Европе получила распространение теория «либерального империализма», согласно которой вмешательство в дела «проблемных стран» должно стать императивом.

Медведевская инициатива базировалась на констатации международно-правового вакуума, в котором оказалось европейское пространство

сообществу в случае, скажем, попытки Молдавии силой вернуть себе Приднестровье или в ситуации вооруженного конфликта греческой части Кипра с Республикой Северного Кипра. А в отсутствие ответа на эти фундаментальные вопросы международное право как бы повисает в воздухе: ибо не ясно, что в конечном счете оно защищает — сло-

Вмешательство России в дела Грузии также явилось поводом для возникновения в нашей стране политических концепций, нацеленных на пересмотр вестфальской модели государственного суверенитета. Некоторые эксперты стали говорить, что время безусловного признания суверенитетов должно уйти в прошлое и России наконец следует

взять на вооружение европейский подход в отношении национальной государственности и приоритета прав этнических и иных меньшинств.

Этим идеям, впрочем, не удалось завоевать популярности ни в российском обществе, ни в правящем классе. 8 октября 2008 года на Конференции по мировой политике во французском Эвиане Дмитрий Медведев озвучил пять принципов российского видения будущего договора. Первым пунктом значилось «территориальной целостности и политической независимости государств, уважение всех других принципов, которые вытекают из устава ООН». Таким образом, российское руководство определилось в своем концептуальном видении не только евро-атлантической безопасности, но и приемлемого для нее мирового порядка. В этом порядке территориальный суверенитет нации-государства должен был сохранять свое центральное положение.

После распада СССР и осознания Россией собственного положения «проигравшей стороны» в холодной войне в общественно-политическом поле России возникли, условно говоря, две партии, каждая из которых пыталась сформулировать новую линию поведения в невыигранных для России условиях «мира после Мальты».

лее могущественных игроков на свой собственный «двойной стандарт» (принять в клуб ядерных держав Израиль и Индию, но исключить Иран; легализовать независимость Косова, но отказать в признании Приднестровью и Нагорному Карабаху), либо стать в позу моральных ригористов по отношению к собственной стране и требовать от нее поступать согласно с духом и буквой международного права, не обращая внимания на поведение остальных. В государственной политике такой моральный ригоризм

гитимизм», стремление держаться норм международного права даже в том случае, когда их соблюдение не обещает России никаких дивидендов.

Если первая партия своей позицией дезориентировала Россию политически, то вторая партия загнала ее в дипломатический тупик. Демонстративно отвергая любую внятную мотивировку своей внешнеполитической линии, Россия невольно содействовала организованному жесткому отпору ей со стороны коалиции держав.

Медведевская евро-атлантическая инициатива в этом смысле как бы снимала внутренний конфликт этих одинаково бесперспективных политических линий. Она подчеркивала необходимость выработки новой правовой рамки для решения спорных вопросов на пространстве «большой Европы». Россия отказывалась пассивно принимать правила, распространенные в мировом сообществе, и тем более следовать чужому «двойному стандарту», но при этом демонстрировала, что использование ситуации правового вакуума в собственных корыстных интересах не является для нее приоритетной стратегией. Россия тем самым очерчивала новое поле, на котором предположительно будет вестись политическая борьба: формулировка и утверждение новых, адекватных реалиям XXI века норм межгосударственного взаимодействия и основ правового порядка в «большой Европе». ■

Евро-атлантическая инициатива Медведева очерчивает новое поле, на котором предположительно будет вестись политическая борьба

Первая из этих партий настаивала на адаптации России к существующему миропорядку ввиду либо превосходства этого миропорядка, либо (что звучало чаще и что обосновать было проще) слабости России. Вначале речь шла о принятии Россией правовых стандартов существующего миропорядка, но впоследствии, после Югославии и Ирака, стало ясно, что эти стандарты не собираются соблюдать те, кто считал себя победителем в холодной войне. Сторонникам этой партии пришлось выбирать: либо требовать, чтобы Россия приняла не только некий внешний стандарт политического поведения на международной сцене, но и признала право других, бо-

выглядел как минимум неубедительно.

Жестким ответом стало требование со стороны решительных сторонников национальной державности отказаться в принципе от учета каких бы то ни было международных норм, следуя исключительно зову государственного интереса, или, точнее, национального эгоизма: раз России выгодно признание Южной Осетии и Абхазии, следовательно, нам нужно их признавать, не обращая внимания ни на какие правовые резоны, тем более что наши западные партнеры поступают ничуть не лучше. Сторонники подобной позиции часто осуждали российскую внешнюю политику за реактивный «ле-